

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Автор обложки Ася Мицкевич

Пономарёв, Николай.

П56 Точка бифуркации : [для ст. шк. возраста : 12+] / Николай Пономарёв ; [авт. обл. А. Мицкевич]. — М. : КомпасГид, 2019. — 344 с. ISBN 978-5-00083-581-4

Где та поворотная точка, в которой жизнь Тимофея свернула с привычной колеи? Вот он ждёт автобус номер двенадцать. Утром. И следующим утром тоже. Едет в школу, после уроков — к друзьям. На танцы. Иногда — на соревнования: городские, областные, всероссийские. Общается в соцсетях. Ложится спать. И где же, где в этом графике тот миг, после которого ничто не будет по-прежнему?

И где поворотная точка в жизни Марины? После уроков — сразу домой. Из дома лишний раз — ни ногой. Да и что там делать, за пределами дома, в шумном мире, где ты, в отличие от остальных, не слышишь ни звука? С людьми из этого мира Марина встречается нечасто — разве что по утрам, в автобусе номер двенадцать...

«Точка бифуркации» — реалистическая, психологически достоверная и глубокая книга, полностью сосредоточенная на настоящем: на нашем времени, на неповторимом моменте из жизни, на эмоциях «здесь и сейчас». Читателям уже знакома антиутопия Светланы и Николая Пономарёвых «Город без войны», написанная в тандеме, а скоро в издательстве «КомпасГид» выйдет фантастическая повесть «290 миллионов лет и далее», в которой Николай Пономарёв отправит своих героев в далёкое прошлое. Николаю Пономарёву — как сольно, так и в дуэте со Светланой, — доступны любые жанры, и это делает его талант уникальным.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-581-4

© Пономарёв Н. А., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

Объявили посадку на автобус до Чукалы. Мой — «вольво», большой, удобный, стоит на пятой платформе.

О городке Чукала, куда мне ехать, я мало что знаю. Кроме того, что ударение на последний слог. Кроме того, что там с отцом и бабушкой, о которой нужно заботиться, живёт Марина Смоленицына. Скорее всего, я её так и не увижу, потому что не знаю адреса. Но, на моё счастье, город, куда я еду, мал. Так что однопроцентный шанс на встречу есть. Отлично.

Предъявляю билет. Автобус не полон, забираюсь на заднее сиденье, кидаю рядом рюкзак. Жду отправления. Закрываю глаза. С одной стороны, всё, что происходит сейчас, — просто. Сел и поехал. С другой — наоборот. Была какая-то предыстория. Иначе чего мне ехать?

Если вы слышали о сложных системах, то слышали и о понятии «точка бифуркации». Это точка

ветвления, развилка, когда происходит необратимый выбор из альтернатив. Встать утром вместо того, чтобы доспать ещё часок, — в принципе, сойдёт за точку. Но это ерунда. Такие точки я лично и не запоминаю. Другое дело — важный поступок. Отсчёт. То, что я сижу в автобусе в ожидании поездки, — никакая не точка. Всё решено заранее. И не вчера. Но точка бифуркации была. Поэтому я в автобусе.

Водитель заводит мотор. Вспоминаю, как отец пожелал мне удачи. Он всё понимает, выделил денег и пообещал, что придумает какую-нибудь историю для матери. Она меня, я думаю, не отпустила бы. И волновалась бы: сын, хоть и почти совершеннолетний, едет неизвестно куда, неизвестно когда вернётся. Хотя вернусь я сегодня. По крайней мере, обратный билет у меня в кармане. В понедельник идти в школу. Впрочем, сегодня суббота.

То, что сейчас происходит, — конец истории. Финишная черта череды выборов и развилок. Точки бифуркации исчерпаны. Что будет дальше, я не знаю. Если вам нравятся истории, где всё закончилось расчудесно, то, пожалуй, можно не продолжать читать. С другой стороны, мне не нравятся истории, в которых главные герои умирают или в конце случается что-то кровавое. А здесь и все живы, и плохого

ничего не произошло. Просто всё заканчивается на том, что я сижу в автобусе и с закрытыми глазами слушаю, как работает двигатель. Салон слегка вибрирует. Так бывает, когда автобус стоит. Немного душно, но после того, как мы тронемся, в окно подует ветер.

История моя также начинается с автобуса. Не с того, в котором сижу я, а с обычного белого городского ЛиАЗа, с зелёным бампером. Примерно год назад, тоже в сентябре. Тогда я учился в десятом классе.

Двигатель повышает обороты, и автобус сдаёт назад, отъезжая от посадочной платформы. Затем начинает движение вперёд, набирает скорость и выезжает за шлагбаум автовокзала. Так бывает и на каждой остановке, когда я еду в школу. Правда, путь мой обычно короче — пять остановок. Сейчас ехать пять часов. Можно предаться воспоминаниям.

Сентябрь

Начинать нужно с сентября. Год назад стояла ясная тёплая погода. Вообще, в нашем городе солнца — почти как в Сочи и уж точно больше, чем в Москве. Разве что несколько дождливых дней было в начале месяца, включая первое сентября. Поэтому линейку провели кое-как, что порадовало. Учусь я в гимназии, и линейки у нас длительные. А в тот день не стали мучить нас рапортами и перечислениями всех побед. Даже не включили надоевшую песню «Школьные годы чудесные», а что-то быстро пробубнили по промокшим бумажкам и на этом закончили.

Как кто провёл лето в наших краях, определяется загаром. Валерка Соколов, мой друг, совсем не загорел. Он решил серьёзно заняться философией, в начале июня купил себе пару десятков книг и напряжённо их читал, изредка позванивая мне и делясь открытиями. От Валерки я и знаю о точке бифуркации. Вжик, она же Алина Летуновская, каталась в Европу и загорела очень хорошо. А Мурзя, она же Оксана

Муржина, работала на озеленении города целых два месяца и загорела так, что могла бы сочинять о своих похождениях на южных курортах, но мы её слишком хорошо знали. Все её похождения укладывались в треугольник: общага — памятник казачеству — железная дорога. Вжик и Мурзя — наши с Валеркой подружки. Мы были вместе весь девятый класс. Одноклассницы косились на нас подозрительно, одноклассники с оттенком зависти, но на самом деле в наших отношениях не было ничего такого. Просто интересно общаться. Либо у меня, либо у Валерки, либо в кафешках. Валерка вёл беседы о философии, я играл на гитаре, Вжик рассказывала последние городские новости, она всегда в курсе, Мурзя делала классные бутерброды и сообщала об историях в общаге, напоминающих смесь романтических сериалов и милицейских сводок. Никто не скучал, и все были при деле.

Вот, второстепенные герои представлены. Почти. Об остальных скажу при первой возможности. Немного о друзьях и подругах говорить как о второстепенных персонажах, но так получилось.

Вереница моих будних дней не отличалась разнообразием. Расписаны они были под копирку. Утром

я садился в автобус и ехал в гимназию. Шесть уроков в физико-математическом классе, а затем обед и тренировки спортивно-бальных танцев. Потом домой, сделать домашнюю работу, побренчать на гитаре или почитать. Вариантом обычного был вечерний звонок от Мурзи. Она приходила одна или с Вжик, и, пока первая списывала домашку, мы пили чай под ненавязчивые разговоры о школе. Иногда на огонёк заходил Валерка и либо пытался убедить Мурзю не списывать и учиться самостоятельно, либо погружал нас с Вжик во что-то из области психоанализа или когнитивной психологии. В любом случае на него фыркала одна из девчонок.

Иногда, не без тени ревности, Вжик начинала расспрашивать меня о моих танцевальных успехах. Сама она способностями к танцам не отличалась, впрочем, как и все в моей компании. Но беспокоило это только её. Когда я рассказывал, как мы съездили на турнир и как почти заняли первое место, Вжик начинала вздыхать, будто лично упустила золото. Чтобы она меньше завидовала, я взялся научить её медленному вальсу, но ничего толкового не получилось. Пределом танцевальных возможностей Вжик был «танец маленьких утят», который

разучивали в первом классе. Она сама это поняла и с тех пор вздыхала с ещё большей завистью.

Мои успехи в спортивных танцах были, в общем-то, непонятны и мне. В том смысле, что никто в семье не танцевал. В смысле серьёзно, разве что на даче под вино и что-нибудь пошло-попсовое из колонок. Отец по профессии инженер нефтеналивных систем. Я не помню его на танцевальной площадке. Мне всегда казалось, что его успехи в танце хуже, чем у Вжик, даже хуже, чем у совсем деревянного в этом плане Валерки. Мама — ландшафтный дизайнер, иногда танцевала на даче вальс, но не с отцом, а со мной или другом семьи дядей Андреем. При этом частенько сбивалась с такта. Я был, что называется, одарён в двух вещах. В математике, но тут как раз всё предсказуемо — оба родителя закончили математические классы. И в танце.

Началось всё с тех самых «маленьких утят», на которых Вжик и закончила. Когда я учился в первом классе, к нам пришла преподаватель из танцевального кружка. Записались полкласса, а я несколько дней раздумывал, не пойти ли в шахматный. Но сходил, и танцевать мне понравилось. А через год та самая преподаватель подошла к матери

и поинтересовалась: не хочет ли она отдать ребёнка в спортивно-бальные танцы? Я помню, как в голос смеялся мой отец, когда мама с нотками удивления сказала, что во мне отыскивали танцевальный талант. Мама зашикала на него, и вскоре вся семья стала открывать новую деятельность, с которой никто из известных мне предков не сталкивался. Правда, по слухам, двоюродный дед со стороны матери профессионально танцевал где-то в Москве и даже снимался в кино, но это не точно.

Партнёры у меня несколько раз менялись. Особенно жалко было расставаться с Вероникой, с которой мы танцевали, и замечательно, с пятого по седьмой класс. Потом она с семьёй уехала в соседний город, и мы с ней переписывались в интернете. Долго мне не могли подобрать толковую партнёршу, пока в середине восьмого класса я не встал в пару с Яной Бакаловой.

Вот ещё один второстепенный персонаж моей истории. С Янкой мы не были друзьями, по крайней мере, не такими, как с Валеркой или Вжик. Но много времени проводили вместе. Её прежнему партнёру надоели танцы, и он их забросил. Янка не без ехидства рассказывала, что он девятый класс закончил

едва-едва и пошёл получать профессию в какое-то училище. В целом их результаты по городу были средние. Мы с Вероникой если опускались на третье, то это было несчастье. Она очень переживала, а я глупо улыбался, если нас не вызывали на награждение первыми. Но вместе со мной у Янки стало здорово получаться. В танце важны не только твои умения, но и быть с партнёром на одной волне, чувствовать его, дышать с ним в такт. И у нас выходило. Однажды, поехав на соревнования в город, где теперь жила Вероника, мы пересеклись. Этот день был неудачным для нас обоих. Но мы с Янкой заняли второе место, а Вероника со своим партнёром не попали и в десятку. Кажется, Янка что-то сказала ей после турнира. Я был выкинут из друзей Вероники во всех социальных сетях и забанен.

Не то чтобы я сильно переживал. К тому времени я уже начал общаться с Валеркой, который перешёл в мой класс, а вместе с ним и с Вжик, и с Мурзей. В общем, расставание с Вероникой на века прошло для меня безболезненно. На турнирах мы больше не встречались, наверное, она занялась чем-то другим, например вязанием. Янка же была довольна и начала вслух мечтать о российском уровне.

Я посмеивался, и это её злило. Она считала, что мы не должны останавливаться. Но, признаться, региональный уровень и был пределом нашего мастерства. Ну, или моего, это же я к поражениям относился слишком спокойно.

На первом уроке, классном часе в честь первого сентября, наша классная Ольга Александровна расписывала, как важно налегать на учение, потому что следующие два года будут определяющими. Рассказывала, как хорошие результаты ЕГЭ откроют путь в лучшие вузы, и прочую чепуху. Все кивали, даже Мурзя, хотя ей хорошие результаты почти не грозили. Мурзя вообще не имела способностей ни к физике, ни к математике. Она должна была учиться в общеобразовательном классе и не в нашей гимназии, а с нами училась по одной причине — её мама была младшей сестрой директрисы. Поэтому в девятом классе она плюнула на деловой стиль одежды, который нам официально навязывался, и приходила на уроки в свитере канареечного цвета. Учителя терпели Мурзю, кроме исторички, которая пожаловалась директрисе. Та вызвала племянницу, но не устроила ей выволочку, потому что они над чем-то громко смеялись в кабинете. Над чем — Мурзя

не рассказала. Так же вызываяще в школе мог ходить только один человек — Вжик. Но по другой причине. Папа Вжик был важным спонсором гимназии. То он спонсировал закатку в асфальт ненужных клумб или выкладывание стен школы плиткой под камень, то купил в кабинет истории интерактивную доску. Вжик, пользуясь этим, являлась в школу в свободных кофточках диких расцветок типа «океаническая ваниль», и учителя терпели, включая историчку.

Кроме приготовления бутербродов и высадки цветов в городские клумбы у Мурзи был ещё один важный талант — отличное знание английского. В средних классах она побеждала в общешкольных олимпиадах, а в седьмом классе попала во второй десяток результатов по городу. Тут ей конкуренцию не мог составить и Валерка, который английский тоже знал хорошо.

Так что вариантом обычного вечера было ещё то, что Мурзя приходила с тетрадкой не только по алгебре, но и по английскому. И пока она списывала алгебру, я строчил что-нибудь из упражнений на «настоящее завершённо-длительное время».

Моя жизнь, несмотря на некоторое однообразие, всё же была не скучной. Не может быть скуки, когда

к тебе врывается Валерка и сегодня рассказывает о греко-египетской алхимии, завтра — о влиянии дофамина на принятие решений, а послезавтра — об изначальной невозможности приручения человеком зебр. В таких ситуациях могла спасти только Вжик, просившая поиграть на гитаре. Тогда я брал гитару и пел что-нибудь из популярного репертуара или своё. Играть на гитаре и сочинять песни я умел хуже, чем танцевать и делать алгебраические расчёты, но всё же лучше, чем переводить причастные обороты с русского на английский. Поэтому я исполнял несколько песен, потом в мою комнату заходила мама и говорила что-то вроде: «Тимофей, уже поздно, а тебе рано вставать». Банальненько и в лоб, но действительно. Мурзя резко ускоряла списывание, Валерка комкал окончание эпической истории о Гермесе Трисмегисте, Вжик скромно улыбалась и вежливо говорила что-то вроде: «Да-да, мы сейчас уходим».

Кстати, я — Тимофей, Тимофей Бодер.

Ольга Александровна, конечно же, была права, эти два года — определяющие. И не только в плане учёбы, а вообще для жизни. Три года назад Ольга Александровна стала нашей классной

и вела информатику. У неё и склад ума математический. Поэтому она часто бывала права, как и Валерка, у которого широкий кругозор. У них даже фамилии одинаковые, но это простое совпадение.

Каждое утро, как уже говорил, я садился в автобус. Гимназия находилась в пяти остановках от меня. Совсем недавно я жил рядом со школой. Её было видно из моих окон, но нужно было обойти забор по периметру, потому что, несмотря на жалобы родителей, из-за каких-то предписаний открытые ворота в школу были только одни — парадные.

В девятом классе мы переехали в микрорайон ближе к окраине города. Отец заработал на вахтах денег на четырёхкомнатную квартиру. Он последние несколько лет жил вахтами — полмесяца на севере, полмесяца дома. Новое жилище было не так далеко, но всё же пять остановок. Посоветовавшись, мы решили, что я три года доучусь на старом месте. Мне нужно было ездить на тренировки, а удобнее из гимназии. Директриса была не против: успеваемость у меня хорошая, отзывы учителей благоприятные, да ещё и грамоты-медали. К тому же отец заплатил пожертвование в фонд школы в трехкратном размере.

Моих друзей ничуть не смутило, что я стал жить не под боком, тем более что маршрутки от нас ходили почти до часа ночи. Мы постоянно катались друг к другу. Вот только мама просила обязательно ей звонить, если я задерживаюсь у Валерки позже восьми.

Утренний автобус номер двенадцать был проходящим и шёл полупустым. Во-первых, микрорайон заселился ещё не полностью, во-вторых, большинство уезжало немного раньше на маршрутках. Конечная, а в моём случае начальная остановка автобуса находилась в более дальнем посёлке с благообразным названием Цветнополе, имевшем дурную репутацию. Я оплачивал проезд и садился на заднее сиденье у окна. Эти сиденья как раз и сделаны для таких, как я. Обычно их занимают студенты или школьники. Они на возвышении, и взрослым туда лезть неудобно. В общем, заднее сиденье оказывалось никому не нужным, кроме меня и ещё одной девчонки. Сначала я не обращал внимания, но она перемещалась этим маршрутом каждый будний день, сидя недалеко от меня. Трудно не заметить — примерно моего возраста, плюс-минус год. В девятом классе девчонки не было, иначе обратил бы

внимание раньше. Я из интереса рассматривал её. Волосы тёмно-русые, до плеч, сквозь них пробивалось ухо, чуть заострённое, отдалённо напоминавшее эльфийское. Однажды я так и сказал. Не помню, каким был ответ.

Говорят, что большие глаза подкупают. Делают лицо детским, а это всем нравится. Не знаю, правда ли это, глаза я рассмотрел позже. Она большую часть поездки смотрела в окно, не отвлекаясь на меня. Овальное лицо с красивым высоким лбом, мягкими губами, ровным, чуть вздёрнутым носом можно было рассмотреть и в тот момент, когда автобус подъезжал, а я становился так, что оказывался у задней двери. Но глаза... У Мурзи глаза зеленоватые, миндальной формы, с крохотными морщинками в углах оттого, что она часто улыбается. У Вжик — карие, томные, чуть с поволокой, но небольшие, да она ещё и щурится, потому что у неё слабая близорукость, а очки не носит. Валеркины — светло-серые, будто выгоревшие на солнце. Когда я рассмотрел глаза этой девчонки, то они оказались большими и тёмными, обрамлёнными густыми ресницами. В них можно было увидеть отражение всего мира. Мне сложно подтвердить или опровергнуть аксиому больших глаз. Но что-то в этом есть.

Весь сентябрь она проездила в клетчатой штормовке, джинсах-резинках и с небольшим рюкзаком за спиной. Выходила через три остановки после того, как я входил.

Необходимости разговаривать у нас не было. Я, как мог, рассмотрел её, она наверняка — меня, каждое утро заходящего в салон автобуса через заднюю дверь. Я оплачивал проезд и садился неподалёку.

Своеобразный ритуал. Я сажусь в автобус, и мы три остановки едем вместе. Шесть минут. Каждое утро. В этом для меня было что-то интимное. И никому я об этом не рассказывал. С друзьями и без того было о чём поговорить.

Мурзя каждый день расписывала, как удирает от гопоты, устроившей импровизированную распивочную недалеко от её общаги. Она обрисовала это в таких красках, что мы с Валеркой несколько раз взялись провожать её до дверей, но ни одного гопаря так и не увидели. То ли они пугались нас, что смешно, то ли прервали свои алкооргии, что маловероятно, то ли Мурзя их выдумала. К последнему варианту мы и пришли.

Вжик ныла, как она скучает по лазурным пляжам Черногории и замкам Праги и как ей успел

надоест за две сентябрьские недели наш город. Мы с Валеркой утешали её, мол, ещё впереди богатые впечатлениями поездки. Она поволокла нас на выставку картин морской тематики, потом в кафе и там купила себе почти дюжину пирожных с нежно-голубым кремом, ела их, вздыхала и следила за тем, чтобы мы с Валеркой не переставали её утешать.

Сам Валерка углубился в философию алхимии. Пересказывал теории превращения металлов, истории об инициациях алхимиков и о вкладе философов-герметиков в науку. Мы втроём делали вид, что понимаем хотя бы треть из того, что Валерка излагал, кивали и старались не задавать лишних вопросов, потому что каждый вопрос, например о том, сколько сейчас времени, выливался в полторачасовую лекцию, уже слышанную нами два дня назад.

На этом фоне рассказ о молчаливой незнакомке, сопровождающей меня в поездках каждый будний день, показался бы незначительным.

Тем временем наше пересечение в транспорте продолжалось. Точнее сказать, поездки были параллельные, мы пользовались одним автобусом, и только. В одну сторону и в одно время. Я мог бы уезжать и на маршрутке, но в таком случае нужно было бы выходить на несколько минут раньше.

Или через пять минут ехала следующая. Но у меня есть особенность — пунктуальность. Выбираю время, когда мне удобно, и придерживаюсь его. Очень помогает. Например, в отличие от Янки, я никогда не опаздывал на тренировки. Поэтому, забираясь именно в этот автобус, я точно знал, что в школе буду за десять минут до звонка. Плюс-минус минута. За это время можно успеть подготовиться к уроку и узнать от Мурзи последние новости. В классе она сидела прямо за моей спиной.

В этом году я хотел сесть с Мурзей, но Ольга Александровна настояла, чтобы я сел с Варварой Евдокимовой. Моя соседка раньше училась в гуманитарном классе, была отличницей. В основном там были собраны балбесы, большей частью из общаги, и потому класс почти в полном составе ушёл в пэтэушки, а Варвара осталась. И её перевели к нам. Это даже не второстепенный герой, а лежащий на дороге камень. Люди о него запинаются, поэтому помнят и другим рассказывают. В своей компании мы прозвали Варвару Сфинксом. В основном из-за важно-серьёзного вида, который она делала всякий раз, когда рядом садился я. Привыкла быть первой в своём классе и в нашем начала постоянно тянуть руку и радовать ответами учителей. Глядя на то, как она

гордо таращится на доску и ни разу глаза на меня не скосит, так и хотелось дёрнуть её за волосы, удерживала только совершенная несолидность поступка. Поэтому поболтать я постоянно оборачивался к Мурзе. Обидно, что Валерка сел с Вжик и они без проблем перешёптывались, особенно на уроках истории, в которой Валерка был дока. Мне же оставалось вертеться, привлекая к себе учительское внимание.

А пунктуальности в Варваре не было. Она утром то уже сидела за партой, то заходила со звонком, а несколько раз, на радость мне, вообще не пришла. Тогда на законных основаниях её место занимала Мурзя. Та приходила в школу рано, успевала каким-то образом собрать все сплетни и потом пересказывала их. Я бы не удивился, узнав о её платных информаторах в каждом классе и отдельных у памятника казачеству и на железной дороге. Вжик, напротив, залетала в класс после звонка, умудряясь обогнать учителя, тормозила о Валерку, шумно садилась на стул и швыряла сумку с учебниками на парту. Утром это можно было списать на то, что отец, который подвозил её, выезжал поздно, однако так было на каждом уроке. Вжик поясняла, что ей очень нравится тормозить о Валерку, тот протестовал, но вяло. В начале девятого класса мы с Валеркой ходили